

А.В. Хрусталева

Саратовский государственный социально-экономический университет

**Письмо М.О. Гершензона А.П. Скафтымову
в контексте поисков метода**

Аннотация: В статье рассматривается забытое письмо М.О. Гершензона А.П. Скафтымову. Для восстановления контекста дан необходимый комментарий.

The article considers a forgotten letter by M.O. Gershenzon to A.P. Skaftymov. The necessary commentary to retrieve the context is given.

Ключевые слова: М.О. Гершензон, А.П. Скафтымов.

M.O. Gershenzon, A.P. Skaftymov.

УДК: 821.

Контактная информация: Саратов, ул. Радищева, 89. СГСЭУ, кафедра иностранных языков. Тел. (8452) 211749. E-mail: tevlin1982@mail.ru.

Наследие М.О. Гершензона, постепенно возвращенное читателям в последние двадцать пять лет, несмотря на то, что исследовательский интерес к нему активизировался еще перед крахом СССР, до настоящего времени остается недостаточно изученным в некоторых важнейших аспектах. Данное явление отстающей рефлексии заставляет обратить на себя внимание.

Безусловно, литературоведение сохраняет определенную и вполне объяснимую долю субъективности в выборе темы и предмета изучения: у современной гуманитарной мысли нет «точных» средств, позволяющих безошибочно отличить протагониста от эпизодического действующего лица на культурных подмостках эпохи. Гуманитарий, стремящийся к научной истине, вправе, разумеется, не принимать без доказательств на веру тезис об исключительно важной роли Гершензона для отечественного литературоведения, диктующий необходимость собирать наследие мыслителя «по крупницам».

Информационная эра безжалостна и беспощадна: в ближайшее время будет нарастать стремление к пересмотру историографии науки, освобождению научной летописи от панегириков и приговоров. Литературоведение будущего захочет, возможно, увидеть Гершензона не как соучастника культурного процесса Серебряного века, лично знакомого с Вяч. Ивановым, В. Ходасевичем, П. Струве, Н. Бердяевым, Л. Шестовым, Г. Чулковым, не как методологического оппонента П. Щеголева, В. Вересаева и др., или идеологического противника марксистского литературоведения, но исключительно в качестве самостоятельной исследовательской фигуры.

С одной стороны, благородная попытка рассмотреть историю литературы исходя из эволюции литературных форм, предпринятая Гершензоном на рассвете формализма, оказалась теоретически непоследовательной и не была завершена. Как философ, литературный критик и литературовед он был склонен впадать в рационализирующий схематизм, и, фактически обогатив биографию Пушкина, философски истолковав пушкинские произведения, Гершензон не дал литературоведению *революционно* новой парадигмы развития.

Статьи его, предлагающие своеобразное прочтение Пушкина, ориентированное на символистский контекст, являются опытом истолкования художественного произведения в русле принципа автобиографичности писателя, который был перенесен Гершензоном с Пушкина на других русских классиков. Наследие мыслителя, таким образом, является той «доформалистской» ветвью литературоведения, в которой произведение воспринималось исключительно как монолог, «исповедь души человеческой», а специфические приемы, делающие текст «литературой», специально не рассматривались.

Вполне уместно в связи с этим задаться целью уточнения ряда положений: во-первых, была ли у Гершензона собственно своя научная школа, во-вторых, каков основополагающий метод этой школы, последовательно ли он воспроизведен в трудах «учеников», и, в-третьих, насколько актуальны итоги и результаты деятельности Гершензона и его последователей (если таковые установлены наукой) для сегодняшнего дня. Не назовут ли профессионалы-литературоведы будущего труда Гершензона субъективными эссе, написанными в защиту собственно мирозерцания, представляющими интерес исключительно в качестве беллетристики, но не литературоведения как науки о литературе?

С другой стороны, если изучать вопрос в историко-литературной, а не теоретической перспективе, то явно виден огромный вклад исследователя – нельзя забывать про россыпь тонких находок Гершензона, касающихся пушкинского творчества, а также то, что во многом благодаря его биографическим студиям мы имели возможность изучать Пушкина в школе. Если вспомнить эпоху смены пролеткультовского экстремизма «неистовым ревнительством» РАПП, очевидно, что все это время существовала реальная угроза утраты классического наследия. Возникшие впоследствии клише вроде «Пушкин-революционер, борец с самодержавием» и т.п., которые обеспечили перспективу сохранения классики в школьной программе, могли вырасти и получить развитие только на почве предшествующего кропотливого изучения биографии поэта, в полной мере осуществленного именно литературоведческим поколением Гершензона. Таким образом, Гершензон не на словах, а на деле – подлинный хранитель русской культуры, ее почетный архивариус.

Тонкий мастер художественного слова, по письмам и дневникам ушедших эпох он «оживил» для нас молчаливые силуэты прошлого, заставил их двигаться, говорить, превратил в плоть, что дало полное право современникам высоко оценить его труд: «...история русской литературы сохранит навсегда эти глубоко своеобразные, пленительно-одухотворенные и пластически-прекрасные творения» (здесь и далее сохранена орфография автора. – А.Х.) [Гроссман, 1926, с. 12].

Рассуждения о значимости литературно-критического или литературоведческого труда, как видно из предыдущих абзацев, всегда нуждаются в прочной категориальной основе. Они произвольны и напоминают откровенную «вкусовщину» до тех пор, пока творческий метод четко не отделен от научно-исследовательского, не выяснена природа и результативность использованного метода.

Адекватная рецепция труда литературоведа не представляется нам возможной вне полного, системного анализа его исследовательского инструментария. Укажем теперь на те погрешности, которые мешают подобному анализу.

Определенные результаты в области изучения жизни и творческой деятельности исследователя достигнуты. Если в 1986 году зарубежный славист [Scanlan, 1986, с. VII–XXXI] пишет о необходимости сбора биографических данных Гершензона, что свидетельствует об элементарном уровне научных задач того времени, сегодня накопленные материалы и знания позволяют подняться к обобщениям теоретического характера. Свой вклад в благородное дело возвращения науке полузабытых фактов жизнедеятельности ученого, изучения и пропаганды его наследия внесли А. Levin, М. Cymborska-Leboda, В. Horowitz, Ю.В. Видинеев,

Р.С. Войтехович, О.И. Ивонина, Ю.С. Жуковская, Л.Ф. Кацис, Р.Я. Клейман, М.А. Колеров, О.А. Лекманов, Е.Ю. Литвин, Т.М. Макагонова, Т.А. Пастухова, Р. Поджиоли, Н.А. Портнягина, В.Ю. Проскурина, Е.Б. Рашковский, С.Я. Сендерович, И.З. Сурат, Н.Н. Смирнова, Ф.А. Торстенсен, Н.И. Цимбаев и мн. др.¹

Но радость от предпринимаемых исследовательских усилий и серьезного труда, когда коллинеарными оказываются разные научные школы, дисциплины и направления, омрачена сохраняющейся до сего момента неполнотой библиографии М.О. Гершензона. Эта неполнота мешает решить вышеуказанную проблему метода и проявляется в двух направлениях.

Во-первых, по совершенно не ясной нам причине современное литературоведение упорно называет «полной» библиографию Гершензона, подготовленную Я.З. Берманом и вышедшую в 1928 году в Одессе. Между тем сам автор недвусмысленно указывал на неполноту своего труда: «Что касается списка литературы о М.О. Гершензоне... он регистрирует лишь наиболее важные и значительные по содержанию статьи и заметки» [Михаил Гершензон, 2007, с. 579]. Незначительными представлялись Берману статьи о Гершензоне, вышедшие в периодике русского зарубежья, например, рецензия Прибыловского в «Русской книге». Также малозначима, видимо, была для него рецензия «Долой Разгул» (Рабочий край, Иваново, 1920) видного критика А.К. Воронского. Обе эти публикации Берманом не указаны, хотя они проясняют рецепцию Гершензона его современниками. Даже невооруженным глазом можно видеть, что марксистская критика представлена у Бермана неполно.

Указывая на второе направление, требующее дальнейшей работы, отметим, что в последнем издании трудов мыслителя [Михаил Гершензон, 2007], во многих отношениях блестящем, в разделе «Библиография изданий и писем Гершензона» не упомянут важный адресат – автор труда «Поэтика и генезис былин», исследователь Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.Г. Чернышевского, А.П. Чехова, заслуженный деятель науки РСФСР (1947) проф. А.П. Скафтымов (1890–1968). Письмо Гершензона Скафтымову, в котором пушкинист пытается объяснить основы своего научного метода, было опубликовано саратовской филологической школой в 1998 году [Письмо М.О. Гершензона, 1998, с. 58–60]. Первым комментатором письма выступил проф. СГУ А.А. Гапоненков.

Поскольку до сих пор письмо не упоминается в существующих библиографических списках, во избежание дальнейшего игнорирования документа, следует упомянуть о его наличии в центральной печати.

В указанном письме, датированном 25 марта 1924 года, Гершензон пишет, что «нужно телеологическое, теоретическое или имманентное изучение поэзии». По его мысли, тот, кто изучает причины, побудившие Лермонтова написать «Тамань», держит в руках только труп произведения. Подлинной же задачей является осмысление эстетического мира художественного текста как некой целостности, в его составных элементах. Теоретическое, телеологическое или имманентное – все это равнозначные для Гершензона понятия, означающие отказ от историко-генетического рассмотрения предмета.

Письмо было написано в ответ на присланную М.О. Гершензону статью А.П. Скафтымова «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы». Сама статья была впервые прочитана в качестве вступительной лекции в Саратовском университете 27 января 1922 года. [Скафтымов, 1994, с. 134–160].

¹ Алфавитный порядок перечисления преследует цель представить гершензоноведение в как можно более полном объеме, он не имеет никакого отношения к удельному научному весу публикаций, их значимости, качеству и т.п.

Еще в юности заинтересовавшись вопросами методологии анализа художественного творчества, А.П. Скафтымов поставил перед собой вопрос об объективной оправданности и необходимости присутствия генетического и теоретического типов анализа литературного произведения. К моменту его прихода в литературоведение отечественная наука о литературе еще не вышла окончательно из-под безраздельного господства генетических методов, при которых целью и венцом анализа является установление генезиса произведения. Для Тэна и его последователей художественный текст ценен как исторический документ, отражение общественной жизни на определенном этапе развития человечества. Веселовский, по мнению Скафтымова, также не сделал решающий шаг в сторону отделения теоретических задач от генетических подходов.

Почувствовав, что литературоведение достаточно окрепло, имеет силы не только для глубокого проникновения в тайны истории текста, но может включать и фундаментальную теоретическую составляющую, Скафтымов пишет статью, в которой обосновывает необходимость дальнейшего развития и углубления теории литературы.

«Начальный шаг познания вещи не есть вопрос о начале самой вещи. Прежде чем спрашивать: почему? – нужно поставить вопрос: что? Выяснению генезиса должно предшествовать статическое рассмотрение изучаемого явления, т.е. установление его признаков и свойств самих по себе, как они явлены в самом пребывании изучаемого факта» [Скафтымов, 1994, с. 136].

Он указывает, что, пользуясь одним только знанием генезиса произведения, биографическими фактами, имеющими к нему непосредственное отношение, полипарадигмальными связями произведения с общим литературным контекстом и т.п., мы не решаем ни одного вопроса точной науки – словесной «математики», которую могут интересовать вопросы метрики, словоупотребления, логики в конкретном произведении как художественном тексте.

Все свои умозаключения и тезисы литературовед ведет к одной общей цели – обосновать необходимость **имманентного** подхода к произведению, при котором во внимание принимается в первую очередь финальная, чистовая редакция текста. Ссылаясь на примеры несовпадения между замыслом и реализацией авторской интенции, например, на показательное в этом отношении замечание Л.Н. Толстого, у которого «совершенно неожиданно ... Вронский стал стреляться», [Там же, с. 138], Скафтымов подчеркивает, что необходимо прежде понять само произведение как целое, и только потом выходить в область черновиков, предварительных вариантов рукописи, собственно комментария к тексту. Литературовед приветствует заявление профессора В.М. Жирмунского о научном перевороте: «Только «теоретическая поэтика» может построить ту систему научных понятий, в которой нуждается историк поэзии при разрешении встающих перед ним конкретных проблем» [Жирмунский, 1921, с. 51].

Особое место в системе взглядов Скафтымова занимал так называемый «телеологический» принцип, суть которого заключается в том, что ни один из элементов художественного произведения не должен игнорироваться в качестве случайного, так как абсолютно все содержимое целесообразно, служит реализации одной цели. Скафтымов полагал, что все компоненты художественного произведения находятся в определенной взаимозависимости и отношениях субординации: форма служит содержанию, а содержание соответствует форме произведения. Составные части, таким образом, иерархически взаимосвязаны. Интерпретатор, по Скафтымову, должен разглядеть, как различные компоненты произведения способствуют реализации целого – собственно замыслу автора.

Наиболее ярко идеи ученого и его метод иллюстрирует созданная им «Схема изучения литературных произведений», которую мы не считаем возможным приводить дословно, так как при желании она может быть найдена в саратовском

сборнике, посвященном памяти ученого [Александр Павлович Скафтымов, 2010, с. 129 и далее].

Схема изучения произведения состоит из двух разделов. Первый раздел называется «Опознание самого произведения» и включает анализ фабулы и сюжета, соотношения статики и динамики в развитии повествования, а также анализ приемов изображений действующих лиц, характеров, лексики, эвфонии и метрики произведения (разумеется, определенные ограничения здесь будет накладывать жанровая природа текста). Второй раздел, названный автором «Генезис», включает изучение внешних условий написания текста, то есть его истории – текстуального изменения, связи фабульного содержания с биографическими подробностями жизни автора и т.п. Примечательно здесь то, что генезис поставлен на второе место после определения **имманентных** свойств текста, непосредственно явленных в самой художественной ткани. И это было для ученого принципиально.

Н.В. Володина, прослеживая генеалогию телеологического подхода в литературоведении, связывает его с философской телеологией, подразумевающей вызов идеям позитивизма и детерминизма. Исследователь полагает, что идея об имманентной целесообразности любого явления мироздания, о некоей гармонии всего сущего, в которой у любого составного элемента есть свой смысл внутри целого, была экстраполирована на гуманитарную науку, и приводит несколько высказываний В.М. Жирмунского, в которых виден контекст употребления им термина «телеологический» [Скафтымов, 2010, с. 35].

Внимательный читатель помнит, что словоформа «телеологический» прозвучала в том самом письме 1924 года, ради которого написана данная статья. Необходимо выяснить, таким образом, чье непосредственное влияние внесло понятие телеологического метода в литературоведческую лабораторию Гершензона. Наиболее вероятной здесь будет версия, называющая В.М. Жирмунского, но нельзя полностью отрицать и влияние самого А.П. Скафтымова, к которому, в свою очередь, телеологический метод перешел от его учителя, в высшем смысле этого слова, – ведущего литературоведа Варшавского университета А.М. Евлахова.

В.М. Жирмунский преподавал в Саратовском университете, оставил в памяти и анналах вуза труды и фактически создал в нем свою школу [Труды, 1959, с. 39 и далее]. Поскольку известно о его тесных приятельских отношениях с Гершензоном, можно допустить, что он лично способствовал научно-методологической переписке Гершензона со Скафтымовым.

О предыстории и контексте распространения термина можно и нужно спорить, этот не самый простой вопрос требует специального рассмотрения и не укладывается в рамки данного материала, но очевидно одно: Гершензон не может говорить о телеологии случайно, в письме выражается его **credo**.

Теперь, когда мы, как нам кажется, достаточно полно восстановили повод и мотив, заставившие Гершензона обращаться к саратовскому адресату, вернемся к тексту самого документа. В письме провинциальному литературоведу Гершензон подчеркивает, что история литературы невозможна как таковая, в силу того, что художественное произведение в конечном варианте связано целиком с личным замыслом автора, но не с прогрессом общественной мысли или развитием литературы. Свой собственный метод он называет имманентным, и вот здесь, именно в использовании этого термина, нас ждет глубокий парадокс. Но ведь называя свой метод имманентным, Гершензон ни в одной работе не обосновывает, в чем же эта заключается эта имманентность.

Разве имманентным или телеологическим путем идет Гершензон, когда говорит: «Художник видит вовне не то, что есть, а то, что совершается в нем самом» [Гершензон, 1919, с. 11]? О какой имманентности или телеологии можно вести речь, если перед написанием подавляющего большинства своих работ Гершензон был предварительно ознакомлен с массой биографического материала?

Мы, понятно, не будем сейчас касаться хрестоматийных работ о Пушкине, известных всем. Для более яркого и свежего примера вспомним «Мечту и мысль Тургенева» (1919), где Гершензон заявляет, что ранний период жизни Тургенева (1834–1837) прошел под знаком мрачности и пессимизма. К подобному выводу он приходит на том основании, что юношеская драма Тургенева «Стено», отмечена оттенком подражательности: в ней угадывается «Манфред» Байрона.

Гершензон идет следующим путем: во-первых, приписывает автору идеи, высказываемые устами героев в произведении, во-вторых, пользуется при анализе произведения биографическим материалом, в-третьих, генезис текста рассматривает до его внутренне-конститутивного анализа, то есть переворачивает скафтымовскую схему, в чем каждый может убедиться самостоятельно, ознакомившись с трудами Гершензона.

Ни в ранних работах исследователя, ни в более поздних, вопросы метрики, эвфонии, стилистики текста не затрагиваются первоочередно по отношению к генетическим проблемам. Впервые метод Гершензоном декларируется в статье 1908 года «Северная любовь Пушкина», где он получает всецело биографическое истолкование. Статья посвящена прояснению наименее изученных фактов пушкинского пребывания на Кавказе и в Крыму в 1820 году. Подробно изучив маршрут Пушкина, время его отправления из Петербурга и встречи с Раевскими, а также приводя документы из семейного архива М.Ф. Орлова – мужа Екатерины Николаевны Раевской, Гершензон выдвигает версию о «северной любви» великого поэта. Он опровергает распространенную точку зрения, что Пушкин любил дочь генерала Раевского, предполагая объект любовных чувств поэта в иной женщине – Марье Аркадьевне Голицыной, урожденной Суворовой-Рымникской.

«Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова; каждый его личный стих заключает в себе автобиографическое признание совершенно реального свойства, – надо только пристально читать эти стихи и верить Пушкину. Такой опыт *медленного чтения* (курсив мой – А.Х.) и представляет наш очерк» [Гершензон, 1919, с. 156]. Медленное чтение как исследовательский метод, таким образом, – есть выискивание биографических подробностей в тексте и их экстраполяция на всю систему художественных образов автора. Это – система прочтения текста, основанная в первую очередь на знании объективных условий формирования психики автора, подробностей его личной жизни, поэтому называть такую систему имманентным анализом, по меньшей мере, нелогично.

Закономерно, что серьезной критике биографический метод Гершензона подверг, в частности, Ю. Лотман: «Бесполезно рассматривать художественный текст как материал для вычитывания биографических подробностей. Это относится и к тексту поэтического произведения, создаваемого романтическим поэтом из сложного единства поэзии, писем, реальных поступков, дневниковых записей, бытового поведения, перенесенного в жизнь со страниц литературы. Реконструировать на основании этого... внепоэтическую реальность вполне возможно, хотя и достаточно трудно, из-за органического слияния в эпоху романтизма литературы и быта. Однако для такой реконструкции следует анализировать все документальные свидетельства как закодированные сложной системой культурных кодов романтизма и подлежащие дешифровке. Наивное перенесение отдельных строк или “фактов” из контекста определенных семиотических документов в чуждый для них контекст биографического исследования здесь противопоказано» [Лотман, 1975, с. 52].

Можно думать, что система анализа текста, разработанная Гершензоном, подверглась серьезным изменениям в период 1917 – 1925 годов, но это справедливо лишь отчасти. Если в 1903 году Гершензон заявляет, что все герои Толстого являются бесчисленными воплощениями его самого [Гершензон, 1903, с. 143], то в «Мудрости Пушкина» (1919) Гершензон показывает, что, вопреки

мнению В.Я. Брюсова, между творчеством и жизнью Пушкина не было никакой бездны.

Обратимся к другому печатному высказыванию Гершензона: «Уже свыше ста лет длится блестяще развитие русской художественной литературы. За этот долгий период она, как известно, не раз оказывала могучее влияние на литературы западно-европейские, но в нашей ученой письменности... ни сделано ни одной попытки обследовать это влияние... Такое именно исследование я хотел бы предпринять» [Гершензон. ОР РГБ, л. 2], – можно ли на основании этого фрагмента говорить об имманентном исследовательском методе?

То текстуальное исследование, которое предпринимает Гершензон, почти всегда ведет его к неким метавыводам глобального характера, в которых не только генезис произведения, но и общий социальный контекст, определение места художественного произведения на общем культурном фоне эпохи играет решающую роль. См. например: «Увлечение Горьким было и естественно, и благотворно, но если уж говорить о незрелости нашего общества, то, на наш взгляд, она выразилась более всего в том, что Горький сумел на время затмить Чехова. Правда, это продолжалось недолго: стихийная, полуживотная мощь Челкаша и Мальвы только на минуту опьянила молодежь. Творчество Горького было спасительно, как круглая реакция против рефлексии и нытья, как сильный толчок, пробуждающий от дремоты; но его положительное содержание было слишком примитивно, оно не могло удовлетворить проснувшегося, и после первой минуты опьянения русское общество неизбежно должно было вернуться к Чехову...» [Гершензон, 1904, с. 140].

Из следующей цитаты очевидно (во всяком случае, автору), что поэтика художественного произведения интересует Гершензона не в первую очередь: «Стихотворение г. Бунина, хотя бы и не подписанное, узнаешь среди тысячи, и прежде всего – по языку... Едва ли найдется еще поэт, у которого слог был бы так неукрашен, будничен, как здесь; на протяжении десятков страниц вы не встретите ни одного эпитета... ни одной метафоры... Все *поэтические наросты* (курсив мой – А.Х.) языка удалены – осталось простое, трезвое, реальное слово; под пером г. Бунина русский стих впервые зазвучал той строгостью речи, которая отличает высшие образцы русской прозы: прозу Пушкина и Лермонтова» [Гершензон, 1908, с. 842].

Гершензон использовал слово «имманентный» отнюдь не в том значении, что Жирмунский и Скафтымов. Вот в каком контексте мы предложили бы понимать значение термина «имманентный»: «Так учил Пушкин. Но он был поэт, а не философ. Мудрость, которую я выявляю здесь в его поэзии, конечно не сознавалась им как система идей; но она была в нем, и наше законное право – формулировать его умозрение... <...> Эту сердцевину духа, этот строй коренных усмотрений я пытаюсь обнаружить в Пушкине... Я формулирую *имманентную философию* (курсив мой. – А.Х.) Пушкина...» [Гершензон, 1919, с. 233]. Ясно, что речь идет о реконструкции психологического портрета автора. Таким образом, Гершензон проникся идеей телеологии и имманентного метода, но, как это всегда бывает с талантливыми людьми, дал свою собственную версию, привнес личные коннотации в дискуссию и **видоизменил** обсуждаемое понятие.

Все рассуждения автора могут быть сведены к трем выводам.

Во-первых, разговор о теории литературно-критического и литературоведческого метода, о соотношении творческого и научно-исследовательского начала в литературоведении далек от своего завершения. Сейчас стало как-то не модно возвращаться к идеям В.П. Муромского, Б.И. Бурсова, к давним спорам о природе литературоведения. Между тем без решения проблемы метода нет путей адекватной рецепции не только Гершензона, но и всего огромного культурного пласта отечественной религиозно-философской критики.

Во-вторых, если рассмотреть конкретный, узкий участок работы – требуется усовершенствование библиографии Бермана.

Наконец, в-третьих, письмо Гершензона Скафтымову заслуживает появления и закрепления в библиографии последующих изданий литературоведов как одна из вех в истории русского литературоведения и имеет значение для академических дисциплин, непосредственно связанных с изучением русской литературы.

Литература

Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре Саратов, 2010.

Гершензон М.О. ОР РГБ. Ф. 746. К. 8. Е. хр. 47.

Гершензон М.О. Литературное обозрение // Научное слово. 1903. № 10.

Гершензон М.О. Литературное обозрение // Научное слово. 1904. № 10.

Гершензон М.О. Видение поэта М., 1919.

Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. М., 1919.

Гершензон М. Избранное. Мудрость Пушкина. М., 2007.

Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Начала. 1921. № 1.

Лотман Ю. Посвящение «Полтавы» (текст, функция) // Проблемы пушкиноведения. М., 1975.

М.Г. [Гершензон М.О.] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 6.

Письмо М.О. Гершензона А.П. Скафтымову // Филология. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 58–60.

Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика. Саратов, 1994. С. 134–160.

Труды научных работников Саратовского университета. Библиографический указатель (1909–1958). Саратов, 1959.

Scanlan J.P. Introduction. A History of Young Russia. Irvine University, 1986.